

Глава 7

АВГУСТОВСКИЙ КРИЗИС 1915 ГОДА

Либерализация Совета министров. — Перемены в Верховном Главнокомандовании. — «Старик сошел с ума». — Группа Кривошеина. Дума и общественные организации. — Последующие события.

§ 1. Либерализация Совета министров.

Отставка Сухомлинова в июне 1915 года повлекла за собой и другие перемены в кабинете министров. Ушли в отставку Щегловитов (министр юстиции), Н. Маклаков (министр внутренних дел) и Саблер (обер-прокурор Св. Синода), т. е. наиболее одиозные фигуры в глазах думских либералов и общественности. После схватки между министром земледелия Кривошеиным и премьер-министром Горемыкиным на вышеназванные должности были назначены лица, репутация которых давала некоторую надежду на осуществление компромисса с думским большинством. 12 июня военное министерство было передано генералу Поливанову, который, как известно, находился в дружеских отношениях с Гучковым. 6 июля Щегловитов был заменен А.А. Хвостовым (Хвостов-дядя, прошу не смешивать с известным А.Н. Хвостовым-племянником, впоследствии министр внутренних дел). 14 июня на пост министра внутренних дел был назначен князь Щербатов, и 5 июля пост обер-прокурора Св. Синода перешел к Самарину.

Эти назначения были сделаны после ряда совещаний, которые проходили в Ставке под председательством государя и в присутствии Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, его начальника штаба Янушкевича и некоторых министров. Новые назначения были сделаны с явным намерением разрядить напряженность между правительством и Думой. Теперь известно, что царица отнеслась к этим переменам неодобрительно и плакала, узнав о назначении Самарина: ничто в России не могло быть ей отвратительнее (кроме революции), чем те круги московской либеральной и укорененной в традиции аристократии, которые он представлял. В связи с новыми назначениями государь должен был готовить себя к семейным неприятностям.

Из опубликованных источников неясно, как удалось убедить государя в необходимости этих перемещений и кто возбудил вопрос о переменах в кабинете. То обстоятельство, что вопрос был решен на заседаниях Ставки в Барановичах, наводит на

мысль, что за всем этим стоял великий князь Николай Николаевич. Впоследствии, когда он был освобожден от Верховного Главнокомандования, считалось, что либеральные министры потеряли могучего союзника. Даже князь Шаховской, бывший тогда министром торговли и промышленности, по-видимому, точно не знал, кто был главным действующим лицом в этой перетасовке. Некоторый свет, однако, проливается в письме министра финансов Петра Барка А.А. Риттиху¹, написанном в эмиграции, после того, как Барк ознакомился с записками Яхонтова о заседаниях Совета министров².

Барк сообщает, что посетил со Щегловитовым Ставку весной 1915 года и там впервые узнал от Янушкевича о катастрофической нехватке боеприпасов, которая должна привести к отступлению русских армий на всех фронтах. Обсудив по возвращении этот вопрос с Сазоновым (министром иностранных дел), Рухловым (министром транспорта), Харитоновым (государственным контролером) и Кривошеиным, Барк отправился к Горемыкину и сказал ему, что если Сухомлинов, Щегловитов, Маклаков и Саблер не будут уволены, то вышеназванные министры уйдут в отставку. По словам Барка, ими руководила уверенность, что правительство должно работать рука об руку с Думой и общественными организациями, чтобы должным образом снабжать армию, а этого невозможно добиться без немедленных перемен в правительстве. Барк говорит в письме Риттиху, что, разговаривая с Горемыкиным, министры рассчитывали, что уйдет и сам Горемыкин и что его заменит новый премьер, очевидно, Кривошей. Однако Горемыкин, пользовавшийся полным доверием государя, рекомендовал увольнение четырех министров, но сам остался премьером и даже попытался укрепить свое положение в Совете министров, навязав своего собственного кандидата в министерство юстиции — А.А. Хвостова.

Сведения, которые дает Барк, полностью подтверждаются Яхонтовым, обсуждавшим демарш министров с Горемыкиным. Версия Барка не только не лишена смысла, но позволяет понять, почему царь согласился на перемены. Пока Горемыкин держал бразды правления в своих руках, царь мог быть уверен, что либеральные министры не выйдут за некие определенные рамки и не капитулируют перед Думой и общественными организациями. Опираясь на Горемыкина, царь мог рискнуть пойти на либерализацию кабинета. Письмо Барка объясняет, кроме того, почему впоследствии Горемыкин проявил столь исключительное упорство, оставаясь на посту премьера и отказываясь уйти в отставку. Он, может быть вопреки собственному глубокому недоверию, заставил царя примириться с либералами в правительстве, включая друга Гучкова — Поливанова. Он не способен был покинуть в беде своего государя и уйти в

отставку, сознавая, что люди, рекомендованные им самим, при первом же удобном случае могут покуситься на прерогативы самодержца, в которых Николай II видел сущность и достоинство царской миссии. Письмо Барка объясняет также и раздражение некоторых министров, в частности Сазонова и Харитонова, в какой-то момент решивших, что им удастся превратить наличное правительство в «правительство доверия». План сближения с Думой встретил оппозицию Горемыкина.

Барк подтверждает, к тому же, то, что помимо его свидетельства оставалось лишь более или менее обоснованным предположением: министры, назначение которых в июне-июле так изменило состав кабинета, группировались вокруг Кривошеина. Они регулярно встречались, главным образом в доме Кривошеина, чтобы в частном порядке обсудить, какой следует держаться позиции на заседаниях Совета. Это было ядро, вокруг которого сосредоточилась будущая оппозиция переменам в Верховном Главнокомандовании. Очевидно, Кривошей был центром этой быстро угасшей, но тем не менее важной политической интриги. По мере того, как борьба за уступки Думе заходила все дальше, энтузиазм некоторых членов кривошеинской группы падал. По крайней мере, Барк замечает, что кое-кто (Сазонов? Харитонов? Самарин?), на его вкус, уклонялся слишком далеко влево. И разве нельзя предположить, что воинственный тон московских земского и городского съездов 1915 года напугал некоторых членов кривошеинского окружения и они просто рады были прекратить кампанию и верно служить при Горемыкине, Штюмере и при тех, кто будет после них? Барк, во всяком случае, оставался министром финансов до февральских дней 1917 года.

Демарш Барка не был единственной попыткой оказать давление на государя. Министр иностранных дел Сазонов сообщает, что во время высочайшей аудиенции государя уговаривали сменить Сухомлинова. Николай II винил Родзянко, что тот торопил с отстранением Н. Маклакова, — шаг, о котором к январю 1917 года государь жалел³. Очевидно, смена министров шла вне прямого давления думских кругов, хотя председатель Думы и присутствовал на некоторых заседаниях в Ставке. Но косвенное влияние могло иметь место, так как в это время Кривошей поддерживал тесные отношения с Гучковым⁴.

§ 2. Перемены в Верховном Главнокомандовании.

Как только был образован новый кабинет, новый военный министр Поливанов убедился в невозможном положении правительства ввиду диктаторской позиции Ставки и особенно начальника штаба генерала Янушкевича. Положение нового

военного министра было особенно щекотливым. Сухомлинов сильно скомпрометировал престиж этой должности, пока шло дело Мясоедова, и сделался марионеткой в руках Янушкевича. Теперь Поливанов пытался упрочить свой авторитет, ополчившись на начальника штаба через Совет министров. На заседаниях Совета летом 1915 года Поливанов нарисовал сокрушающую картину высокомерия и некомпетентности Ставки, самонадеянности, с которой военные власти вмешиваются в дела гражданских властей. Его поддержал министр транспорта, который больше всех страдал от самоуправства штабных офицеров.

В результате новое либерализованное правительство повело общую атаку на Ставку и в частности на Янушкевича. Все попытки сместить его (а эти попытки делались по классическим образцам русской высшей политики, включая анонимные доносы) встречали упорное сопротивление великого князя Николая Николаевича. Тогда министры подали государю мысль собрать чрезвычайный военный совет под его председательством. Они надеялись, что такой совет смягчит трения между Ставкой и правительством, подобно тому, как в июне неофициальные встречи на высшем уровне привели к либерализации Совета министров.

16 июля Поливанов приступил к систематической атаке на Ставку. Заявив, что «отечество в опасности», он сказал:

На темном фоне материального, численного и нравственного расстройств армии есть еще одно явление, которое особенно чревато последствиями и о котором больше нельзя умалчивать. В Ставке Верховного Главнокомандующего наблюдается растущая растерянность... В действиях и распоряжениях не видно никакой системы, никакого плана... И вместе с тем Ставка продолжает ревниво охранять свою власть и прерогативы... Надо всем и всеми царит генерал Янушкевич. Все прочие должны быть бессловесными исполнителями объявляемых им от имени великого князя повелений... Никто из старших военачальников не ведает, куда и зачем его двигают. «Молчать и не рассуждать» — вот любимый окрик из Ставки.

Осудив Ставку, военный министр дал следующий совет кабинету министров:

Наш долг, господа, умолять государя созвать немедленно, не теряя ни минуты, чрезвычайный военный совет под его председательством.

Речь Поливанова и рефрен «отечество в опасности» произвели громовое впечатление. Даже те министры, которые через шесть недель отказались

присоединиться к так называемому «бунту кабинета», были готовы немедленно просить государя созвать военный совет.

Яхонтов не смог полностью записать прения, так как был в таком возбуждении, что у него тряслись руки. Однако позже он отметил в своем тексте протокола заседания:

Всех охватило какое-то возбуждение. Шли не прения в Совете министров, а беспорядочный перекрестный разговор взволнованных, захваченных за живое русских людей. Век не забуду этого дня и переживаний. Неужели правда все пропало! Не внушает мне Поливанов доверия. У него всегда чувствуется преднамеренность, задняя мысль, за ним стоит тень Гучкова⁵.

Как мы увидим, Яхонтов не слишком ошибался. На том же заседании опытный, дальновидный Горемыкин предупредил своих коллег, сколь опасно настаивать на некомпетентности Ставки⁶. Он намекал на возможность отстранения Николая Николаевича от Верховного Главнокомандования: «Императрица Александра Федоровна считает его единственным виновником переживаемых на фронте несчастий». Когда 24 июля этот вопрос снова возник, Горемыкин еще более настойчиво повторил свое предостережение: «В Царском Селе раздражение на великого князя принимает такой характер, что последствия его могут быть опасными».

Министры не вняли предостережениям Горемыкина. Никто, очевидно, не верил, что при той тяжелой ситуации, которая сложилась на фронте, государь захочет заменить своего дядю на посту Главнокомандующего. Поэтому речь Поливанова 6 августа прозвучала для всех полной неожиданностью. Описав почти безнадежное положение фронта, Поливанов сказал:

Как ни ужасно то, что происходит на фронте, есть еще одно гораздо более страшное событие, которое угрожает России. Я сознательно нарушаю служебную тайну и данное мною слово до времени молчать. Я обязан предупредить правительство, что сегодня утром на докладе его величество объявил мне о принятом им решении устранить великого князя и лично вступить в верховное командование армией.

Это сообщение было выслушано с изумлением и испугом. Поливанов правильно оценил настроение своих коллег, назвав решение государя непоправимым бедствием, угрожающим стране после стольких крупных неудач этого рокового года.

Непосредственной реакцией большинства членов Совета министров было попытаться найти способ заставить государя изменить свое решение.

Трудно понять, что было подлинной причиной этой чрезвычайно эмоциональной — теперь можно бы даже сказать иррациональной — реакции на решение, которое, в конце концов, было достаточно мотивированно и вполне соответствовало статусу монарха. Кроме того, ведь и сам Совет в течение нескольких недель добивался перемен в Верховном Главнокомандовании. С государем во главе армии координация действий Ставки и гражданского управления, по всей вероятности, улучшилась бы⁷.

Поливанов обвинял Янушкевича более чем в некомпетентности. Фактическое руководство армией было передано новому начальнику штаба генералу Алексеву, у которого была репутация здравомыслящего и осмотрительного человека, способного рассуждать разумно. Кроме того, он был популярен в думских кругах.

Объяснение — почему нежелательно, чтобы государь взял на себя Верховное Главнокомандование — складывалось таким образом: если царь будет во главе армии, то любая неудача нанесет прямой вред авторитету и престижу монархии, а это может вообще поколебать верноподданнические чувства народа. Этот аргумент варьировался всеми возможными способами, ссылались даже на широко распространенный предрассудок, что царь «несчастливый», потому что родился в день, когда церковью поминается Иов Многострадальный. Не забыли коронацию и Ходынку, и этот довод производил впечатление, хотя тут уж связи не было никакой. Министр внутренних дел кн. Щербатов уверял (ошибочно, как стало ясно потом), что по дороге в Ставку возникнет угроза личной безопасности государя, потому что все битком набито беженцами и дезертирами. К тому же, теперь вдруг обнаружили достоинства администрации великого князя, о которых никогда ранее не упоминалось.

Один Горемыкин, узнавший о решении государя несколькими днями раньше, предупреждал своих коллег, что любая попытка переубедить государя будет безуспешной:

Сейчас же, когда на фронте почти катастрофа, его величество считает священной обязанностью русского царя быть среди войск и с ними либо победить, либо погибнуть. При таких чисто мистических настроениях вы никакими доводами не уговорите государя отказаться от задуманного им шага. Повторяю, в данном решении не играют никакой роли ни интриги, ни чьи-нибудь влияния⁸. Оно подсказано сознанием царского долга перед родиной и перед измученной армией. Я так же, как и военный министр, прилагал все

усилия, чтобы удержать его величество от окончательного решения и просил его отложить до более благоприятной обстановки. Я тоже нахожу принятие государем командования весьма рискованным шагом, могущим иметь тяжелые последствия, но он, отлично понимая этот риск, тем не менее не хочет отказаться от своей мысли о царском долге. Остается склониться перед волей нашего царя и помочь ему⁹.

Предостережения Горемыкина, как и во многих других случаях, не произвели на его коллег никакого впечатления. В течение следующих двух недель делались неоднократные попытки переубедить государя. Сначала отдельными министрами, во время докладов у государя, потом, 20 августа, всеми сообща, на экстренном заседании в Царском Селе. Государь рассеянно выслушал их увещевания и сказал, что решения своего не изменит¹⁰.

Наконец, 21 августа министры сделали нечто неслыханное: они подписали коллективное письмо, в котором еще раз умоляли государя не совершать этот ужасный шаг, угрожающий царю и династии. Затем, в письме говорилось о коренном разномыслии между председателем Совета министров и министрами. При сложившихся обстоятельствах, заявляли министры, работа Совета невозможна¹¹. Горемыкину об этом письме заранее не сообщили. Письмо было доставлено государю в тот момент, когда он готовился отбыть в Ставку, чтобы принять главнокомандование.

Отчаянные попытки министров воспрепятствовать переменам в Верховном Главнокомандовании непонятны. Позднее некоторые из подписавших письмо 21 августа особенно сожалели об этом шаге. Несомненно, что чувство обреченности, охватившее министров при объявлении решения государя, не отражало ни отношения армии, ни страны в целом. Люди, знавшие нерешительность и скромность царя, понимали, что он не будет навязывать своих личных мнений вновь назначенному начальнику штаба Алексееву. Многие свидетельствуют о том, что Алексей, спокойный, набожный человек, болезненный и склонный к раздумьям, способен был внушить в это время армии больше доверия, чем какой-нибудь упрямый солдафон.

Через четыре года, накануне казни, адмирал Колчак, командовавший в 1915 году Черноморским флотом, объяснял допрашивавшим его большевикам, что приветствовал замену великого князя государем не столько потому, что критически относился к Николаю Николаевичу, сколько ради уверенности, что государь не будет вмешиваться в стратегические решения генерала Алексеева. «Это для меня, — сказал Колчак, — являлось гарантией успеха в ведении войны»¹². В труде о Первой мировой войне

генерал Головин поддерживает эту точку зрения. Он пишет, что «популярность Алексеева отличалась от популярности великого князя». В армии он пользовался наибольшей популярностью среди старых кадровых офицеров. Старшие офицеры считали его самым сведущим из всех русских генералов. Кадровые офицеры считали, что он принадлежит к их среде и что он достиг высших ступеней исключительно в силу собственных заслуг¹³.

На деле смена Верховного Главнокомандования совпала с переменой к лучшему в положении русской армии. Август 1915 года можно считать поворотным пунктом, после которого боеспособность армии непрерывно росла, пока ее не смяли февральские события 1917 года. Почему же тогда члены Совета министров отнеслись к решению царя так панически?

§ 3. «Старик сошел с ума!»

Из протоколов секретных заседаний Совета министров явствует, что перемены в Верховном Главнокомандовании и отъезд государя в Ставку препятствовали осуществлению определенных политических замыслов ряда членов Совета. Расчет строился на том, что будет созван чрезвычайный военный совет и председательствовать на нем будет сам государь. Дело в том, что 25 августа 1915 года был образован т.н. «Прогрессивный блок». Впервые за время существования Четвертой Думы, на основе компромиссной программы, сформировалось большинство центра. Дума в целом, за исключением фракции трудовиков, социал-демократов и крайне правых, готова была оказать поддержку царскому правительству, но при условии, что во главе его будет стоять лицо, «пользующееся доверием общественности». Это требование было значительно скромнее, чем предшествовавшее ему требование кадетской партии о создании «ответственного министерства» (в истинно парламентском смысле). Но тем не менее платформа Прогрессивного блока несомненно подразумевала, что руководство военной экономикой и управление страной перейдет в руки сторонников конституционной реформы. И теперь, после образования Прогрессивного блока «*de jure*», конституционной реформе должен предшествовать период фактического правления представителей либеральных и радикально-либеральных политических кругов¹⁴. Решение государя обмануло надежды деятелей Прогрессивного блока на такого рода реформу и разочаровало министров, надеявшихся установить с блоком рабочее соглашение.

Реакция председателя Думы на решение государя привела к невиданному инциденту. 11 августа председатель Думы явился на заседание Совета министров и попросил свидания с Кривошеиным. Он сказал Кривошеину, что внес государю протест по поводу его решения и хочет знать, как собирается в связи с этим поступить Совет министров. Кривошеин направил его к Горемыкину, который, в свою очередь, ушел с заседания Совета, чтобы переговорить с Родзянко. Горемыкин явно считал вмешательство Родзянко неуместным и попытался от него отделаться. Произошла дикая сцена: Родзянко выбежал из Мариинского дворца, крича во весь голос, что готов поверить, что «в России нет правительства». Швейцар пытался отдать ему забытую в возбуждении трость, но Родзянко закричал: «К черту трость». Он прыгнул в свой экипаж и уехал.

Выходку Родзянко на заседании Совета осудили, но это, как мы увидим, не означало, что все министры примирились с переменой в Верховном Главнокомандовании.

Не было в Совете министров и единодушного отношения к Прогрессивному блоку и его программе. Большинство, включая Сазонова, Поливанова, Щербатова и Самарина, настаивало на соглашении с думскими партиями, объединенными в Прогрессивном блоке. Горемыкин самым решительным образом возражал против каких бы то ни было переговоров с этим «неконституционным органом». В яхонтовском протоколе секретного заседания 26 августа говорится о столкновении этих двух точек зрения.

Сазонов: Люди, болеющие душой за родину, ищут сплочения наиболее деятельных нереволюционных сил страны, а их объявляют незаконным сборищем и игнорируют. Это опасная политика и огромная политическая ошибка. Правительство не может висеть в безвоздушном пространстве и опираться на одну полицию. Я буду повторять это до конца.

Горемыкин: Блок создан для захвата власти. Он все равно развалится и все его участники между собой переругаются.

Сазонов: А я нахожу, что нам нужно во имя общегосударственных интересов этот блок, по существу умеренный, поддержать. Если он развалится, то получится гораздо более левый. Что тогда будет? Кому это выгодно? Во всяком случае не России.

Поливанов: И как это отразится на обороне, на борьбе с врагом, который внимательно следит за нашими внутренними неурядицами и развалом.

Сазонов: Опасно провоцировать левых, вызывать не парламентские способы борьбы. Я настаиваю на необходимости не отвергать огулом пожелания блока и сговориться с ним о приемлемом для правительства. Зачем напрасно обострять отношения и без того достаточно острые.

Горемыкин: Я считаю самый блок, как организацию между двумя палатами¹⁵, неприемлемым. Его плохо скрытая цель — ограничение царской власти. Против этого я буду бороться до последних сил¹⁶.

На следующий день после схватки с Горемыкиным произошла приватная встреча членов кабинета с представителями блока¹⁷. Министры отказались обсуждать конституционное решение вопроса и дали понять, что при нынешнем составе Совета невозможно обсуждение программы блока. И по мнению членов Прогрессивного блока, и по мнению членов кабинета, которые желали соглашения с блоком, Горемыкин должен был уйти. Об этом говорит беспрецедентное по резкости столкновение, которое произошло на заседании Совета 28 августа между Горемыкиным и министрами, которые накануне вели переговоры с блоком.

Обсуждался вопрос об осеннем перерыве в работе Думы. Горемыкин намеревался закрыть сессию, издав, в обычном порядке, декрет Сенату. Возражавшие ему министры тоже были за немедленный перерыв, но хотели, чтобы все было сделано с согласия председателя Думы («по-хорошему») и сопровождалось изменениями в составе кабинета. Кривошеин сказал на заседании 28 августа:

Что мы ни говори, что мы ни обещай, как ни заигрывай с Прогрессивным блоком и общественностью — нам все равно ни на грош не поверят. Ведь требования Государственной Думы и всей страны сводятся к вопросу не программы, а людей, которым вверяется власть. Поэтому мне думается, что центр наших суждений должен бы заключаться не в искании того или другого дня для роспуска Государственной Думы, а в постановке принципиального вопроса об отношении его императорского величества к правительству настоящего состава и к требованиям страны об исполнительной власти, облеченной общественным доверием. Пускай монарх решит, как ему угодно направить дальнейшую внутреннюю политику, по пути ли игнорирования таких пожеланий или же по пути примирения, избрав во втором случае пользующееся общественными симпатиями лицо и возложив на него образование правительства. Без разрешения этого кардинального вопроса мы все равно с места не сдвинемся. Лично я высказываюсь за второй путь действий —

избрание государем императором лица и поручение ему составить кабинет, отвечающий чаяниям страны¹⁸.

Горемыкин попытался уклониться от вопроса, поставленного Кривошеиным. Он настаивал на голосовании в Совете вопроса о перерыве в работе Думы. Однако другие министры на это не согласились. Они настаивали на роспуске Думы правительством Горемыкина, после чего кабинет должен сложить с себя обязанности и посоветовать государю назначить «пользующееся общественными симпатиями лицо», которое образует новый кабинет.

«Кто же эти новые люди? — спросил Горемыкин, потеряв, наконец, терпение. — Представители фракций или чины администрации? Вы предполагаете одновременно назвать государю желательных кандидатов из определенного лагеря»? Но из Кривошеина ничего нельзя было вытянуть. «Никого я лично подсказывать не собираюсь, — отвечал он. — Пусть государь император пригласит определенное лицо и предоставит ему наметить своих будущих сотрудников. Иная формула невозможна». Горемыкин: «Значит, признается необходимым поставить царю ультиматум — отставка Совета министров и новое правительство».

Намек на то, что в Совете происходит нечто вроде бунта, вызвал резкое возражение со стороны Сазонова. Он отрицал, что дело идет об ультиматуме. «Мы не крамольники, а такие же верноподданные своего царя, как и ваше высокопревосходительство». Горемыкин извинился, но спросил, что случится, если государь откажется менять теперешнее правительство. «Что же тогда?» Министры должны были признаться, что в таком случае они будут считать себя вправе подать в отставку в индивидуальном порядке. Наконец, согласно запискам Яхонтова, было решено «осуществить роспуск Государственной Думы в ближайшем времени (по хорошему сговорившись с председателем и лидерами о проведении еще не утвержденных правительственных законопроектов, обусловленных потребностями военного времени) и представить его величеству ходатайство о смене затем Совета министров».

За день до отъезда в Ставку в Могилеве Горемыкин сказал Яхонтову:

Да, тяжело огорчать государя рассказом о наших несогласиях и слабонервности Совета министров. Его воля избрать тот или другой путь действий. Какое ни будет повеление, я исполню его во что бы то ни стало... Но пока я жив, буду бороться за неприкосновенность царской власти. Сила России только в монархии. Иначе такой кавардак получится, что все пропадет. Надо прежде

всего довести войну до конца, а не реформами заниматься. Для этого будет время, когда прогоним немцев.

Можно не сомневаться, в каких именно выражениях Горемыкин доложил государю о дебатах в Совете министров. До отъезда в Ставку Горемыкин говорил с императрицей, он сказал ей, что происходит в Совете. Это сообщение привело ее в ярость. («Министры хуже Думы», — писала она мужу). Поэтому неудивительно, что 1 сентября Горемыкин вернулся в Петроград с приказом царя прервать заседания Думы не позднее 3 сентября, министрам же предписывалось оставаться на своих постах без каких бы то ни было изменений. Государь сам разрешит все несогласия между ними, как только положение на фронте позволит ему этим заняться.

Когда Горемыкин сообщил министрам о приказе царя, это вызвало в Совете бурю. Посыпались уверения, что закрыть сессию Думы таким путем — значит бросить вызов общественному мнению. Кривошеин вывел, что в конфликте между Горемыкиным и кабинетом царь вынес решение в пользу Горемыкина. Но и на этом он не остановился: «Позвольте мне задать вопрос: как вы отважились действовать, когда представители исполнительной власти убеждены в необходимости других мероприятий, когда весь правительственный аппарат в ваших руках находится в состоянии оппозиции и когда события на родине и за границей с каждым днем становятся все более угрожающими»? Горемыкин ответил, что он до конца выполнит свой долг перед государем, невзирая на оппозицию. Государь, сказал Горемыкин, обещал лично заняться всеми другими вопросами в свое время. «Но тогда будет слишком поздно! — воскликнул Сазонов. — Улицы будут залиты кровью завтра, и Россия будет ввергнута в пропасть. Разве это нужно? Это ужасно! Во всяком случае, я открыто заявляю, что я совершенно не отвечаю за ваши действия и за роспуск Думы при создавшихся обстоятельствах». Горемыкин, к которому вернулось самообладание, ответил, что никого не просит разделять с ним возложенную на него ответственность. «Дума будет распущена в назначенный срок, и никакой крови нигде не будет».

Пока что Горемыкин был прав, но заседание Совета закончилось в полной неразберихе. Сазонов выходил в каком-то ошеломлении и, покидая здание, воскликнул: «Il est fou, ce vieillard»¹.

§ 4. Группа Кривошеина. Дума и общественные организации.

¹ Старик сошел с ума.

Горемыкин не был сумасшедшим. Не был он и впавшим в детство стариком. Расходясь со своими коллегами, он не скрывал, что не даст заставить себя пойти на уступки угрозой возможной революционной вспышки или под давлением того довода, что исключительные обстоятельства, создавшиеся в связи с поражениями на фронте, требуют исключительных мер политического и конституционного характера. Он справедливо считал, что трудное военное положение давало левым возможность дискредитировать монархию и что они решили этой возможностью воспользоваться. «Совершенно очевидно, — сказал он, — что все партии, стоящие за конституционные изменения, пользуются военными поражениями, чтобы увеличить давление на правительство и ограничить власть монарха».

Поддерживавший его А.А. Хвостов высказывался еще более прямо: Призывы, исходящие от Гучкова, левых партий Государственной Думы, от коноваловского съезда и от руководимых участниками этого съезда общественных организаций, явно рассчитаны на государственный переворот. В условиях войны такой переворот неизбежно повлечет за собой полное расстройство государственного управления и гибель отечества»¹⁹.

«Коноваловский съезд», о котором упомянул А.А. Хвостов, был заседанием представителей общественных организаций и лидеров думских кадетов, которое состоялось 16 августа в Москве в доме Коновалова. Согласно докладу московской полиции²⁰, съезд избрал центральный комитет, который должен был руководить пропагандой и агитацией по всей стране в поддержку программы Прогрессивного блока. Непосредственно вслед за этим, 18 августа, московская городская Дума во главе с либерально-промышленной фракцией вынесла резолюцию, требовавшую образования «правительства доверия». Они послали эту резолюцию правительству и непосредственно царю.

О начавшемся в Москве политическом брожении сообщил на заседании Совета министров 19 августа князь Щербатов, министр внутренних дел. Совет обсуждал, какой ответ надлежит дать московской городской Думе. Отношение Горемыкина характеризовалось полным презрением к политиканству, которое он считал бестолковой суетой. Проще всего, сказал он, было бы не отвечать этим болтунам и игнорировать их, так как они вмешиваются в дела, которые их не касаются. Обсуждение обращения московской городской Думы дало повод бунтующим министрам излить свои чувства. Поливанов прямо заявил, что в резолюции не было ничего недопустимого или революционного. «Правительство, опирающееся на доверие

населения, ведь это нормальный государственный порядок», — казал он²¹. Кривошеин тоже присоединился к Поливанову, выразив надежду, что царь в корне изменит характер русской внутренней политики²².

Ясно, что по всем спорным вопросам, которые становились предметом обсуждения, — перемена Верховного Главнокомандования, отношение к Прогрессивному блоку, ответ на верноподданническое обращение московской городской Думы и вопрос о роспуске Государственной Думы — большинство министров хотело договоренности с общественными организациями и Государственной Думой. Ввиду того, что главным препятствием был Горемыкин, они решили добиваться назначения нового премьер-министра, угрожая сообщать в отставку, если Горемыкин останется, и реакционный политический курс не изменится. Согласно Шаховскому, на пост премьер-министра большинство решило выдвинуть кандидатуру Поливанова. В печати часто упоминалось о Поливанове, Кривошеине и Григоровиче, морском министре, как о кандидатах на пост премьера. Либеральная пресса считала всех троих «людьми, пользующимися доверием общественности». По мнению министров, для достижения национального единства требовалось только договориться о программе Прогрессивного блока (которую пришлось бы слегка разбавить).

Сомнительно, чтобы Кривошеин, выдвигавший Поливанова на пост премьер-министра (20 августа он заявил в присутствии государя и своих коллег, что в военное время военный министр должен стоять во главе правительства), был вполне искренен. Он знал, что Поливанов не пользуется доверием государя из-за личных связей с Гучковым. Весьма возможно, что, дебатирова кандидатуру Поливанова, Кривошеин заботился о своей собственной кандидатуре²³.

Несомненно, контакты между Поливановым и Гучковым имели место. Они были тесно связаны политически, как выяснилось непосредственно после Февральской революции. Но об этом было известно и раньше, еще в начале июня 1915 года, при назначении Поливанова военным министром. Когда Поливанов в связи с этим явился к царю, его предупредили, что в прошлом он однажды уже потерял доверие государя из-за связей с Гучковым. Поливанов неубедительно оправдывался, объясняя, что отношения носили официальный характер. Однако в августе, когда было открыто Особое Собрание по Обороне (21 августа его открыл сам государь), Гучков, в качестве председателя Центрального военно-промышленного комитета, был снова в официальном контакте с военным министром и даже принял участие в одном из заседаний Совета, на котором обсуждался статут нового Собрания по Обороне.

Не следует забывать, как замечает Яхонтов, что тень Гучкова всегда маячила за Поливановым. Разумеется, Поливанов не мог открыто заявить в Совете министров о своей солидарности с Гучковым. Он, видимо, не выступил в защиту своего друга 9 августа, когда в Совете обсуждался характер Гучкова. В этот день Яхонтов отметил:

В частности, беседа коснулась личности А.И. Гучкова, его авантюристической натуры, непомерного честолюбия, способности на любые средства для достижения цели, ненависти к современному режиму и к государю императору Николаю II и т.п.²⁴

По этому случаю министр юстиции А.А. Хвостов заметил: «Считается, что он (т. е. Гучков) способен, когда представится возможность, взять командование батальоном и маршировать в Царское Село». Однако, когда 26 августа критиковался проект Гучкова о включении в военно-промышленные комитеты рабочих групп, Поливанов выступил в его защиту, заявив, что невозможно организовать военную промышленность, исключив рабочих из представительства в военно-промышленном комитете.

Связи с Гучковым использовались против Поливанова еще до того, как возник союз Кривошеин — Поливанов. 21 августа, в тот самый день, вечером которого было подписано злополучное письмо государю по поводу перемен в Верховном Главнокомандовании и расхождений с Горемыкиным, князь Шаховской был принят государем в Царском Селе²⁵. Шаховской предупредил государя, что Поливанов поддерживает контакты с Гучковым, и выразил удивление, что при этом Кривошеин ратует за назначение Поливанова премьер-министром. О, Византия!

В.И. Гурко, член Государственного Совета и бывший сотрудник Столыпина, хорошо знавший закулисную сторону дела, говорит в своих мемуарах, что союз Кривошеин — Поливанов был для России последней возможностью избежать того раскола между тронem и общественностью, который, по его мнению, в конце концов и привел к крушению монархии²⁶. Другие кандидаты на пост премьер-министра, «пользующиеся доверием общественности», принадлежали к либеральной интеллигенции (например, Родзянко или князь Львов), и никто из них не смог бы остановить потока требований о проведении радикальных реформ, ведущих к революции. Гурко считает, что союз Кривошеин — Поливанов мог бы противостоять этому давлению и поддержать порядок до победного окончания войны. Из протокола заседаний Совета министров явствует, что бунтующие министры имели некоторые заверения от думских кругов в смысле поддержки Прогрессивного блока, как только

Совет освободится от Горемыкина. Но если принять во внимание, какую роль в этот момент играл Гучков и другие московские заговорщики, то оптимистическая точка зрения Гурко на союз Кривошеих — Поливанов может вызвать сильные сомнения.

§ 5. Последующие события.

Драматическое заседание 2 сентября положило конец бунту министров. В течение следующих двух недель делалось несколько разрозненных попыток выговорить отмену решения о перерыве занятий Думы. Эти попытки окончились ничем. Настроение взбунтовавшихся министров, должно быть, в этот момент было очень подавленным. Стало очевидно, что решение государя принять на себя Верховное Главнокомандование, решение, которому они так упорно, истерически, можно сказать, противились, было принято армией и страной с надеждой и симпатией, несмотря на агитацию в пользу великого князя, исходившую от общественных организаций и их съездов, которые состоялись в Москве в начале сентября. Первые несколько дней сентября были отмечены забастовками в промышленности, которые, как утверждалось, были протестом против закрытия сессии Думы. Но, вопреки предсказаниям Сазонова, кровь на улицах не лилась, и страна в общем отнеслась к закрытию Думы с обычной невозмутимостью. С другой стороны, земский и городской съезды открыто предъявили требование о замене ими правительственной бюрократии в большей части отраслей управления, имеющих дело со снабжением армии. Это вряд ли было по вкусу даже некоторым из тех министров, которые присоединились к группе Кривошеина — Поливанова.

Когда 16 сентября министры были вызваны в Ставку для окончательного и откровенного обмена мнениями, они отправились туда в угнетенном состоянии. Императрица много раз писала мужу о «вероломстве» министров, которое было ей известно со слов Горемыкина. Она настаивала на том, чтобы муж был максимально строг в разговоре с ними и умоляла его перед заседанием несколько раз расчесать волосы гребнем Распутина. Как ни странно, это оказало магическое действие. Государь со всей строгостью говорил о неудовольствии, испытанном им при получении письма министров от 21 августа, и попросил их изложить, что они имеют против Горемыкина. Князь Щербатов, министр внутренних дел, смутился, а когда пришел в себя, то заговорил в примирительном тоне. Он сказал, что ему так же трудно договориться о ведении государственных дел с Горемыкиным, как было бы трудно управлять имением с собственным отцом. Горемыкин пробормотал в бороду, что он, со своей стороны,

предпочел бы иметь дело со старшим князем Щербатовым, и государь объявил, что Горемыкин остается, потому что пользуется его полным доверием. Государь очаровательно заметил, что большая часть нервности в Совете объясняется нездоровой атмосферой столицы. Он сожалел о том, что его министры не имеют возможности воспользоваться спокойной и деловой атмосферой Ставки. Он сам, по его словам, оправляется теперь от напряженности и нездоровой моральной атмосферы Петрограда. Министры, которые, как первоначально предполагалось, должны были быть отпущены после аудиенции, были приглашены поужинать с государем, и мир, после августовского кризиса, был заключен.

Нельзя сказать, что кризис окончился без некоторых последствий, вскоре отразившихся на составе правительства. Щербатов и Самарин ушли в отставку почти сразу, вскоре за ними последовал Кривошеин. Неосторожно было бы приписать последующее увольнение Поливанова и Сазонова исключительно августовским событиям, и все же определенное недоверие, которое испытывал к ним государь, легко могло этому способствовать.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 7

¹ Александр Александрович Риттих был высокопоставленным чиновником. 16 ноября 1916 года он стал и.о. министра земледелия.

² А.Н. Яхонтов — помощник управляющего делами Совета министров в 1915-1916 гг. Он был протеже Горемыкина. В его обязанности входила запись прений, происходивших на секретных заседаниях Совета. Официальные протоколы секретной части заседаний не велись, и то, что публиковалось в качестве таковых, было согласованной версией принятых решений. Яхонтов ухитрился вывезти свои записки за границу. В начале двадцатых годов он переписал их и разослал членам царского правительства, с которыми ему удалось снестись. Эти отредактированные записки были опубликованы в АРР XVIII. Несомненно, они представляют собой один из наиболее важных, достоверных документов того периода. Оригинальный текст записей, охватывающий гораздо более длительный период, хранится в Архиве русской и восточно-европейской истории и культуры в Колумбийском университете. Там же хранятся письма, написанные в связи с этими записками членами царского правительства, включая письмо Барка.

³ См. последнюю аудиенцию Родзянко у государя. — А. Блок, ук. соч. (см. прим. 4 к Введению), стр. 5–54.

⁴ См. описание перемещений в Совете летом 1915 года в книге Шаховского «Sic transit gloria mundi» — Париж, 1952, стр. 92.

⁵ АРР, XVIII, стр. 17.

⁶ АРР, XVIII, стр. 21.

⁷ Ранее, в июле, Кривошей указал на заседании Совета, что порядок управления театром военных действий был выработан в расчете на то, что государь возьмет на себя Верховное Главнокомандование. «Тогда, — сказал Кривошей, — никаких недоразумений не возникало бы и все вопросы разрешались бы просто: вся полнота власти была бы в одних руках». (АРР, XVIII, стр. 21).

После объявления о решении государя Кривошей не повторял этого довода. Более всех настаивал на вмешательстве Совета, которое могло бы повлечь за собой изменение решения государя, обер-прокурор св. Синода Самарин. Он подчеркивал, что его позиция отражает общественное мнение Москвы. Сазонов поддержал его самым решительным образом.

⁸ Намек на слухи о вмешательстве Распутина.

⁹ АРР, XVIII, стр. 54.

¹⁰ Шаховской, ук. соч., стр. 126.

¹¹ Письмо было подписано почти всеми министрами, за исключением самого Горемыкина, А.А. Хвостова и министра транспорта Рухлова. Военный и морской министры не подписали письма по соображениям военной дисциплины, хотя и выразили полное одобрение его содержанию. Об обстоятельствах, при которых письмо было подписано, см., в частности, труд Шаховского (ук. соч., стр. 127 и далее).

¹² АРР, X, Берлин, 1923, стр. 213.

¹³ Головин, ук. соч. (см. прим. 8 к гл. 3), стр. 156.

¹⁴ См. выше, гл. 1, § 3 и далее, заявление Милюкова на банкете в Москве 13 марта 1916 года, в котором он изложил и обосновал свою точку зрения на переход от самодержавия к парламентской системе.

¹⁵ Т.е. Государственная Дума и Государственный Совет.

¹⁶ АРР, XVIII, стр. 107.

¹⁷ На заседании был Харитонов (государственный контролер), А.А. Хвостов (министр юстиции), князь Щербатов (министр внутренних дел), Шаховской (министр торговли и промышленности). В числе представителей Думы был ряд лидеров партий, включая Милюкова, Дмитрюкова, Ефремова и Шидловского. — См.: Гурко, ук. соч. (см. прим. 9 к гл. 1), стр. 576.

¹⁸ АРР, XVIII, стр. 123.

¹⁹ АРР, XVIII, стр. 97.

²⁰ Граве, ук. соч. (см. прим. 6, 7 к гл. 1), стр. 35.

²¹ АРР, XVIII, стр. 83.

²² Там же, стр. 84.

²³ Так советский историк Зайончковский толкует маневры Кривошеина в примечаниях к воспоминаниям Поливанова. Это подтверждается полицейскими докладами о деятельности

московских политиков, в которых кандидатура Кривошеина на пост премьер-министра указывается как приемлемая и даже желательная кадетам. См. Граве (ук. соч., стр. 43 и далее) и воспоминания Поливанова «Из дневников и воспоминаний» (Москва, 1924).

Барк тоже пишет, что летом 1915 года совещанием руководил Кривошейей.

²⁴ АРР, XVIII, стр. 59.

²⁵ Шаховской, ук. соч., стр. 127.

²⁶ Гурко, ук. соч., стр. 583 и далее.